ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СЕНТЯБРЬ 2019 г. ● № 9 (275) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Делегация Союза писателей России на международной Читательской ассамблее Содружества

Александр БОБРОВ

Незлые славянские звёзды

К выездному пленуму Союза писателей Белоруссии и России

Во время работы над книгой «Брусиловский прорыв» мне довелось побывать в городке Кобрине, овеянном славой Суворова, где формировался 171-й пехотный Кобринский полк, в котором воевал мой отец – поручик, раненый во время легендарного прорыва, потом в Пинске и соседней деревне Колбы, где служил Александр Блок, а вот до Могилёва – каюсь, не доехал. А ведь там с августа 1915 по ноябрь 1917 года в здании нынешнего краеведческого музея находилась Ставка Верховного, которым являлся на горе воюющих сам царь Николай II. Да потом и Алексей Брусилов руководил отсюда армией, и сменивший его Лавр Корнилов, который 1 сентября 1917 года там же именем Временного правительства был арестован. А 20 ноября 1917 года на перроне могилёвского вокзала был без суда убит толпой разъярённых моряков и солдат последний Верховный Главнокомандующий Русской армией – Николай Духонин за то, что выпустил на свободу Корнилова. И давно ещё врезалось в память, что именно под Могилёвым завещал развеять свой прах Константин Симонов над Буйничским полем: «Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне век не забыть – поле под Могилевом».

Не довелось доехать… Потом, вроде, и дел не было – хотел съездить как путешественник в город на Днепре (в Могилёве на Днестре – бывал), стал читать описание и посмеялся, что список знаменитых уроженцев открывал… Боря Моисеев, уже всеми забытый. Теперь вот, может, выпадет судьба приехать на пленум Союза писателей Союзного государства России и Беларуси. Мы уже провели два съезда, несмотря на то, что строительство Союзного государства идёт трудно: преследуют политические, экономические, юридические бури, нестыковки и разногласия. Но на культурном, духовном-то поле, казалось бы, проще – братья с родственным языком, христиане с общими традициями. А оказалось, что тут-то размежевание порой сильнее, чем у политиканов и рвачей-«хозяйствующих субъектов». Мне выпало учиться много лет в одном семинаре с ясноглазым белорусским хлопцем Владимиром Некляевым, писавшим сперва на русском – «под Евтушенко», он и с официозом тоже заигрывал, был включён в группу молодёжи, которая должна была приветствовать XXVII съезд КПСС. Тогда это было залогом стремительного повышения социального и профессионального статуса. Но поразительно, как не умели наверху разглядеть карьеристов и предателей! Я, например, слыл за свои стихи и песни чуть ли не антисоветчиком, а теперь вот – последний защитник советского наследия из всего потока! А ставший ярым самостийнником Володя Некляев тогда читал свои барабанные стихи:

Плыви, страна – эпохи ледокол.
Греми в цехах, вставай в полях хлебами…

Плохо – «вставай хлебами». Но лицемерие – куда хуже… Поэт-песенник стал лидером белорусской националистической оппозиции, картинно тягался с Лукашенко за пост президента, а потом отсиживался в Польше. Снова вернулся и вот что сказал в интервью «Хартии 97»: «После событий в Украине оппозиция как бы сошлась на том, что наш путь не революция, а эволюция. Хорошо, пусть. Но системы типа нынешнего белорусского режима не способны к эволюции, любые изменения ведут их к разрушению. Значит, надо вынуждать режим к изменениям, используя для этого все возможные способы». Способы эти известны и зримо опробованы на Украине, их черты проступают и в Беларуси, и в самой России, конечно – разрушение славянского мира, общей истории, великой литературы, посягательство на традицию и кириллицу, антисоветизм и расшатывание веры православной. Сегодня даже либералы и бывшие демократы твердят: Кремль упустил Украину! Но ведь дело не в том, что не вмешивались во многие процессы, разворачивающиеся на самой Украине, надеясь на дешёвый газ, но и подрывали Русский и Славянский мир изнутри, потакали таким же антисоветским силам, подавали через политиканов, свою «пятую колонну» и СМИ пример. Разве не так?

На фоне этих сложных процессов, разжигающих идейную и творческую вражду поползновений, в 2011 году был создан единственный творческий совместный союз – Союз писателей двух стран. Поддержать бы такое всемерно! Но на 2-м съезде сопредседатель этого Объединённого Союза писателей недавно ушедший Валерий Ганичев горько сказал: «Не без ехидства и подначивания мне задавали вопрос, когда заключили соглашение о создании единого Союза писателей Союзного государства России и Белоруссии: а не пустая ли это политическая декларация? С твёрдостью пришлось ответить: если для вас историческая дружба и единение наших народов, наши общие традиции в борьбе за независимость и свободу Отечества, наше общее духовное поле, наша православная уверенность – всё это декларация, то для нас это суть наших взаимоотношений». Часто суть подменяется внешними нестроениями и сотрясается глубинными противоречиями. Они явственно прозвучали, когда я написал в «Российском писателе» заметки о работе скоротечного, но такого важного Второго съезда объединённого Союза, который прошёл усилиями в основном белорусской стороны в культурно-деловом центре Посольства Белоруссии в Москве на Маросейке. В докладе сопредседателя от Беларуси Николая Чергинца было перечислено много совместных дел, встреч, реальных достижений – от праздников поэзии побратимов до издания тридцати номеров журнала «Белая вежа». На октябрьском пленуме в Могилёве этот перечень будет безусловно расширен, тем более, что посвящён он святой для большинства писателей дате – 75-летия Победы. Но, конечно, могло быть сделано и должно быть сделано гораздо больше…

В июле президент России Владимир Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы». Там есть прямое указание правительству обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по проведению Года памяти и славы. Как войти в этот план какими-то совместными встречами и программами? У русского да, уверен, и белорусского писателя Год памяти и славы – длится всю сознательную жизнь, от поездки по местам боев до выступлений перед читателями, от книги до очередной статьи. Правда, сама история, и древняя, и недавняя – используется порой в политиканских целях, работает на разделение славян, на разрыв глубинных связей.

(Окончание – стр.2)

Художественная литература как бренд России

Николай ДОРОШЕНКО

Выступление на международной Читательской ассамблее стран Содружества

Слово бренд прочно вошло в наш обиход и я не могу его заменить близким по смыслу словом лицо, поскольку имеет оно отношение к товару или к услуге и подразумевает их характеристику, сложившуюся в сознании потребителя. Даже и о легендарном автомате Калашникова проще сказать, что он является не лицом, а брендом СССР и придает советскому государству значение высокотехнологичной державы.

Точно так же и наша художественная литература «золотого века» имеет ту собственную ментальность, которая свидетельствует о России 19 века как об одной из стран с самым высоким гуманитарным и духовным развитием. И до сих пор Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Гончаров, Чехов и многие другие писатели занимают ведущие позиции в мире по популярности у читателей.

С другой же стороны, с развитием информационных технологий собственная ментальность писательских произведений и имен стала иметь все меньшее и меньшее значение в сравнении с такой возможностью информационных фабрик, как самое массовое производство упоминаний писательских имен и произведений. В результате, по рейтингу, составленному газетой Le Monde, в первую сотню самых читаемых писателей 20 века, входят только Солженицын (15 место) и Булгаков (94 место). И нельзя не обратить внимания на то, что в первой сотне нет даже и Шолохова, а Солженицын предстает более выдающимся мастером слова, чем автор воистину блистательного советского романа «Мастер и Маргарита».

Свидетельствует ли это об одичании современного читателя, о снижении общего уровня читательской культуры?

В какой-то мере – всё может быть. Но все-таки главная причина тут в том, что информационные фабрики произвели для читателей больше упоминаний о Солженицыне, чем о Булгакове. Ведь речь идет о периоде «холодной войны» с Советским Союзом, в которой Солженицын был куда более подходящим оружием, чем Булгаков и, тем более, Шолохов, являющийся одним из главных советских литературных брендов. Можно сказать, что Булгаков и, в большей мере, Шолохов стали жертвами победы над СССР в «холодной войне».

А вот если бы Le Monde свой опрос читателей производила хотя бы за десять лет до крушения СССР, то в первую сотню вошел бы не только Шолохов, а и не менее десятка других советских писателей.

Чтобы в этом сомнений не было, я напомню хотя бы о Салмане Рушди, к которому всемирная слава пришла в один день – сразу после того, как всеми информационными фабриками была растиражирована новость о том, что за роман «Сатанинские стихи» (1988) иранский аятолла Хомейни публично проклял его в своей фетве, приговорил вместе со всеми лицами, причастными к изданию книги, к смертной казни, и призвал мусульман всего мира исполнить приговор. И, например, не менее мощной информационной бомбой могла бы стать также и новость о том, что последний русский классик Леонид Леонов, произведения которого были переведены во всем мире, наконец-то издал в 1994 году так же и свой роман «Пирамида», над которым трудился все четыре последние десятилетия своей жизни. Но информационные фабрики эту сенсационную новость производить не стали. И не только за рубежом, а даже и в постсоветской России появление самого грандиозного русского романа было вообще не замечено.

А если при нынешних информационных технологиях на книжном рынке само художественное произведение даже и столь выдающегося писателя уже ничего не значит, то и встроенные в книжный рынок издательства получили возможность издавать не литературу, а книги, не художественные прозу и поэзию, а жанры, наиболее подходящие к их коммерческим сериям.

Поэтому какая-нибудь очередная Вера Полозкова теперь получает статус самого крупного и самого популярного поэта, а имя Николая Зиновьева, уже проросшего своими строками, как Грибоедов, даже в нашу устную речь (например, "И человек сказал: «Я русский», //И Бог заплакал вместе с ним", "Давй с тобой созвонимся, как храмы" и т.д.), остается никому неизвестным; поэтому у читателя складывается впечатление, что современные прозаики художественным письмом не владеют, поскольку широкой публике неизвестны такие мастера слова, как Василий Воронов, Михаил Попов или Юрий Лунин, дебютировавший в последние годы и уже опубликовавший свои повести «Клетка» и «Три века русской поэзии»…

(Окончание – стр.2)

От Бреста – до Барановичей

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Адреса русской литературы в Беларуси

Есть ли у художественного слова география? И как ее определить? Брать за основу содержание того или иного произведения? Учитывать адрес, где оно было написано? Или же заглядывать в биографию автора, отмечая для будущего литературно-географического исследования место его рождения?..

Вот, к примеру, перелистываю книги русского поэта Валерия Липневича, ныне живущего в Подмосковье, – «Дерево и река» и «Неведомая планета». Одна издана в Москве, другая – в Минске.

Дерево, река, человек –
как кора старой вербы над ней.
Дерево, река, человек –
слова будто разные,
да все об одном.
Деревья впадают в небо,
как реки в море.
Краткое и зеленое
струится медленно
к вечному и голубому.
Куда текут и впадают
наши жизни?
Медленно – словно дерево.
Стремительно – как река.

Эти строки из стихотворения «Дед», завершающего книгу «Дерево и река». Знаю, что, как и все остальные, оно написано в деревне Дудичи Пуховичского района, что на Минщине, «в дедовой хате»… Но если это стихотворение рассказывает о родном, близком человеке, показывает, если хотите, социальную и политическую историю прежней Беларуси и даже преподносит урок экономической географии («Дед глядит со стены. / Острые, как два сучка, / глаза пронизывают насквозь. / – 100 коней / одного пана везут! / Сколько ж коров за такие деньги? / За две раскулачивали…»), то в книгах есть произведения и другого характера, «не местечкового»…

Пожалуй, некоторые вопросы, в том числе и те, что следовало бы еще задать, останутся в моем документальном повествовании без ответов. Давайте просто вспомним хотя бы некоторые дороги и тропинки Беларуси, по которым прошла, где оставила свой след великая русская литература. И маршруты для нашего литературного путешествия я предлагаю следующие. Покинув пуховичские Дудичи, давайте отправимся на Брестчину. Хотя расставаться с деревенькой на берегу Птичи не очень и хочется. В той же «дедовской хате» несколько лет подряд была дорогой гостьей замечательная поэтесса Татьяна Реброва. А стихотворение Андрея Вознесенского «За речкой Птичь» – о соседствующем с деревней музее материальной культуры «Дудутки». В деревню Птичь – она находится совсем недалеко от музея, через речку, – в гости к журналисту Андрею Захаренко не раз приезжал санкт-петербургский драматург, прозаик, лауреат многих стихотворений Аркадий Пинчук. У Валерия Липневича повесть есть – «В кресле под яблоней» (опубликована в журнале «Новый мир»), где каждая страница – о Дудичах, окрестностях деревни, о реке с ласкающим сердце, каким-то воздушным названием Птичь. Концовка у повести грустная, пронизывающая сердце:

«…Сижу на маленькой скамеечке – мамина – спиной к горячей печке. Осторожно черпаю плотную, почти твердую простоквашу из трехлитровой банки на коленях. Ее любимая еда – с картошкой или, как я сейчас, с батоном. Праздник печеной картошки перенес на завтра.

Последние солнечные лучи золотят бока моим вербам, трогают верхушки вишен в канаве, заливают обломанную черешню под моим окном. Может, уже завтра, растроганная майским теплом, брызнет молоком своих почек в доверчивую синеву неба, подарив ему еще одно, самое малое, облачко.

Вот и прошел первый майский день первого года третьего тысячелетия.

Первый весенний день без матери».

…И все-таки надо спешить в Брест. Может быть, только переехав мост через Птичь, вспомним еще, что в этих местах, в пуховичско-руденских лесах партизанил русский поэт и прозаик Всеволод Саблин. Еще во время немецко-фашистской оккупации он создал в партизанской типографии поэтический сборник «Мстители». Еще в1942 году Всеволод Саблин написал стихотворение «В ружье, белорусский народ!»:

Народ в ярме, земля в плену…
Позор и стыд молчать!
Твой долг – спасать детей, жену,
Отечество спасать!
Твой дом – с винтовкой за плечом
Скорей идти в леса,
С фашистским биться палачом
До смерти, до конца.
Народ, в ружье! Нельзя терпеть,
Нельзя рабами быть!
Уж лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить.

…Русские писатели издавна связаны с Брестом. В городе над Бугом в 1813-1816 гг. служил Александр Грибоедов. Между прочим, в одном полку с отцом Льва Толстого. В Бресте Грибоедов написал свои первые произведения. Знакомые того периода стали прототипами некоторых персонажей в комедии «Горе от ума». Брест начала XIX века – это и судьбы, и фрагменты творческих и жизненных испытаний Федора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Петра Вяземского, Александра Шаховского. В1867-1869 гг. в Бресте жил русский прозаик Федор Решетников (1841-1871). Здесь он завершил работу над третьей частью романа «Глумовы». Местную жизнь описал в очерках и в комедии «Прогресс в уездном городе». Имена Грибоедова, Кюхельбекера, Решетникова и других русских поэтов, прозаиков хорошо известны белорусским исследователям, тем, кто занимается литературным краеведением. В Бресте есть даже улица, названная в память о Федоре Решетникове. Произведения этого самобытного литератора, как и творческие страницы биографии Александра Грибоедова, подробно прочитаны В.Я. Ляшук и Т.Н. Снитко в книге «Літаратурная Берасцейшчына».

Брест можно по праву считать особым персонажем русской поэзии, русской прозы. В ноябре 1956 года в городе был открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Есть в этой обители исторической памяти специальный стенд, посвященный Сергею Смирнову *(1915-1978)*, автору документальной книги «Брестская крепость», отмеченной Ленинской премией. Одна из улиц города носит и имя Сергея Смирнова, который, кстати, являлся еще и почетным гражданином Бреста. В краеведческом справочнике «Литературные места Беларуси, книга первая: Брестская, Витебская, Гомельская области» (авторы – Адам Мальдис, Лидия Кулаженко, Светлана Саченко) есть такое уточнение: «Произведения Брестской крепости, городу посвятили… белорусские поэты… Стихотворения на эту тему написали поэты… русские Сергей Орлов, Сергей Островой, Лев Ошанин, Николай Доризо, Владимир Кузнецов, Роберт Рождественский… и др.». И далее: «Событиям, связанным с заключением подписанного в крепости Брестского мира 1918, посвящены произведения… Владимира Канивца «Брест, 1918»… Валентина Пикуля…».

За лаконичным «и др.» на самом деле скрывается уникальная Брестская литературная, героико-художественная Атлантида. Во-первых, для начала следует вернуться в 1939 год. Осенью группа русских поэтов оказалась среди военных журналистов и политработников. Семен Кирсанов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Дмитрий Кедрин, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, Илья Френкель, Яков Хелемский – у каждого из них нашлись слова, чтобы запечатлеть сентябрь 1939-го… Одно из стихотворений Якова Хелемского так и называется – «В тридцать девятом»:

…О, если б мог я силу дать стихам,
Чтоб строки сохранили для потомков
Черты мальчишки с тощею котомкой,
Бегущего по праздничным шляхам,
Чтоб не забыли люди осень эту,
Погожесть распахнувшихся дорог,
Когда народ шагал из мрака к свету,
Как сирота, спешивший на восток.

Возможно, тогда, в 1939-м, у Якова Хелемского сформировалось устойчивое мнение, представление о своем предназначении как переводчика яркой, сочной белорусской поэзии. Для многих читателей в России, на постсоветском пространстве мастерство, духовный мир Петруся Бровки, Аркадия Кулешова, Максима Танка, Пимена Панченко, Рыгора Бородулина, других белорусских поэтов открывались благодаря именно переводам Якова Хелемского. Кстати, именно за переводческую работу Яков Александрович был отмечен Государственной премией БССР имени Якуба Коласа (1980 год). А эти строки, адресованные Аркадию Кулешову, написаны Хелемским в 1958 году:

Белорусские реки
Звучат, как пастушьи жалейки.
Зазвенит Вилия –
Отзовется журчанье Вилейки.
Колоннады стволов
Протянулись над Птичью и Случью
Милых рек имена,
Словно русла лесные, певучи.
Ивы смотрятся в Друть,
А березы бурливой весною
Входят в воду по грудь
И любуются Березиною.
Беловежская пуща,
Полесские старые чащи
В бочажках отразились,
В затонах, спокойно журчащих.

Из 1939 года и стихотворение Владимира Луговского «Беловежская пуща»:

Снег летит все студеней и гуще,
И трехтонки проходят гуськом.
Говорит Беловежская пуща
Монотонным ночным языком…

Но, конечно же, самая большая часть в предполагаемой «брестской антологии» русской поэзии освещает тему Брестской крепости, подвиг ее защитников в 1941 году. «Легенда о защитниках Бреста» – стихотворение Льва Ошанина. Первая его военная командировка в Беларусь тоже относится к 1939 году. В Великую Отечественную войну врачи посчитали поэта негодным к военной службе. Но поэт вопреки такому решению побывал на многих фронтах. Чаще всего выезжал в частии соединения 3-го Белорусского… Судьба другого поэта, который родился и вырос в Дагестане, и вовсе достойна отдельного повествования и, наверное, отдельного историко-литературного поиска. Аварский поэт Мухтар Абакаров родился в 1918 году. С ноября 1939-го служил в пограничных частях в районе Бреста. Там и принял бой с фашистами. Летом 1941 года был тяжело ранен.

После госпиталя вернулся в родное село Амитли Хунзахского района. Затем снова пошел на фронт. Воевал бойцом Дагестанского кавалерийского эскадрона в звании старшины. Погиб в 1944 году. Василь Макаревич перевел на белорусский язык два стихотворения аварского поэта – «Город Ельня», «Баллада о капитане Гимбате Ганиеве». Может быть, разлаженные литературные связи не станут помехой для выяснения обстоятельств «белорусской биографии» россиянина аварца Мухтара Абакарова.

Среди защитников Брестской крепости – и русский поэт Михаил Иванович Петров. Попал в фашистский плен. Несколько раз был ранен. Жизнь этого человека, его непростая военная судьба вдохновили другого русского поэта Олега Шестинского на создание поэмы «Одиссея Михаила Петрова». После Великой Отечественной Михаил Иванович долгие годы жил в городе Новая Ладога.

Воевал в Беларуси и русский поэт Леонид Решетников. Был военным корреспондентом танковой армии. А после Победы офицер служил в Бресте. Брестской крепости Леонид Решетников посвятил стихотворение «Счастье». А поэт Алексей Романов войну встретил в казармах Центрального острова Брестской крепости. Сбоем удалось вырваться из окруженной цитадели. Вступил в ряды народных мстителей. Под Барановичами немцы окружили отряд, в котором воевал поэт Алексей Романов. Вчерашний защитник Брестской крепости попал в плен. Много времени провел в Германии. В концлагере занимался подпольной работой среди военнопленных. Его стихотворение «Не забывай!» перевел на белорусский Степан Гаврусев.

Петя Клыпа – один из юных защитников Брестской крепости. Поэму мужественному герою с непростой судьбой посвятил известный русский поэт Марк Лисянский:

Нет, война – не смерч в пустыне,
Не история, а рана,
Не зажившая доныне.
Наши первые печали
Стали славой поколений.
Мы о Бресте ведь узнали
Из немецких донесений.
А о тех, кто был в сраженье,
И о тех, кого убило,
Не писали, к сожаленью,
И куда писать-то было!
Наградных не посылали,
Орденов не выдавали,
И в газетах не писали,
И в чинах не повышали!
А они – дорогу жажды,
Жизнь и смерть, огонь и воду —
Все прошли – и не однажды! —
За всемирную свободу.

Покидая Брест, не будем спешить выходить на большую дорогу. Прервемся пока в нашем литературно-географическом путешествии. Остановимся считай что в самом начале пути. Хотя адресов русской литературы в Беларуси не счесть. Но об этом расскажут другие страницы.

Полную версию см. на сайте